

ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НА ТРЕХ КОНФЕРЕНЦИЯХ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

В октябре 2004 г. и в феврале 2005 г. в трех ведущих вузах Нижнего Новгорода – Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), Нижегородском государственном лингвистическом университете (НГЛУ) и Нижегородском государственном педагогическом университете (НГПУ) – прошли три научные конференции, в программе которых по сложившейся традиции значительное место было уделено вопросам античной истории, археологии и культуры.

29–30 октября 2004 г. на историческом факультете ННГУ состоялись IX чтения памяти профессора Н.П. Соколова (1890–1979), посвященные проблемам всеобщей истории. Антиковедческая тематика рассматривалась на заседаниях трех секций: «История и культура древней Греции», «История древнего Рима» и «Северное Причерноморье в античную эпоху».

В.В. Антонов (Нижний Новгород) в докладе «Афиняне и Херсонес Фракийский в период от окончания Пелопоннесской войны до заключения Царского мира» отметил, что афиняне, вынужденные оставить Херсонес в последний год Пелопоннесской войны, очевидно, вывели сюда новую клерухию на рубеже 390–380-х годов до н.э., но по условиям Царского мира Херсонес не был признан афинским владением, и вплоть до 353/352 г. нет сведений о каких-либо новых афинских поселенцах в Херсонесе, хотя нет и свидетельств, что прежние афинские клерухи были оттуда высланы. Один из полков Херсонеса Фракийского (Элея) впоследствии стал членом Второго Афинского морского союза, а другие, возможно, заключили с Афинами отдельные союзные договоры, но для безопасности афинской торговли зерном важнее было признание за афинянами права на владение Лемносом, Имбросом и Скиросом и сохранение на этих островах афинских поселенцев. *А.Н. Горожанова* (Нижний Новгород) в докладе «Античная письменная традиция как источник по ранней истории Ликии» указала, что в этой традиции, включающей разноплановые сочинения от поэм Гомера до трудов писателей эллинистического и римского времени, безусловно, преобладают сведения легендарно-мифологического характера, но сообщаемая ими информация представляет большой интерес и незаменима в силу современного состояния эпиграфических и археологических данных. В докладе *А.В. Гороховой* (Москва) «Афинские политики в VI в. до н.э. в борьбе за религиозные центры Эллады» было отмечено, что поскольку наиболее важным культом аттической Паралии был культ Аполлона, Алкмеониды ориентировались на Дельфы, а Писистрат, чье правление было ознаменовано рядом антидельфийских новаций, вел активную политику в отношении оракула Аполлона на Делосе, желая сделать его религиозным центром не только Ионии, но и всей Аттики. Лянино Писистрата в отношении делосского храма продолжили политики конца VI – начала V в. до н.э., утверждая афинскую гегемонию в Эгейском море. *А.А. Рыбакова* (Нижний Новгород), представившая доклад «Богиня Гера в мифологии богмладенца», обратила внимание на ряд аспектов культа Геры, характерных для великого женского божества доолимпийского периода, которое, покровительствуя плодородию, нередко изображалось имеющим при себе божественное дитя. По мнению автора доклада, часть мифов, повествующих о смерти детей, к которой была причастна Гера, можно расценивать как отражение обряда детских жертвоприношений, существовавшего на минойском Крите и исчезнувшего ко времени складывания олимпийской мифологии. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) в докладе «К вопросу о наследовании должности гегемона в Эллинской лиге в 224 г. до н.э.» на основе анализа ряда эпиграфических документов и исторической ситуации пришла к заключению, что наследование гегемонии в этом союзе, как и в Коринфских лигах 338 и 302 годов, не было оформлено никаким договором, хотя Филипп V получил должность гегемона фактически по наследству от Антигона Досона. В докладе *А.В. Хазиной* (Нижний Новгород) «Религия в сакрализованной философии Посидония Аламейского» были поставлены вопросы о специфике понимания Аламейцем демонологии, мантики, астрологии и о сакрализованном характере его философии. По заключению автора доклада, мантика, астрология и демонология, популярные в эллинистическом мире, не принимаются Посидонием на уровне веры, но, включенные в философскую систему, получают теоретическое обоснование, становятся объектом философской рефлексии и классификации с помощью идей стoического платонизма; для философа сущность религии заключается уже не в культовых действиях, а в созерцании божественного и в понимании родства человека с ним. Такая сакрализованная философия отвечала религиозным настроениям новой эпохи. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Общегреческие религиозные празднества и их значение как цент-

ров распространения информации» показал, что в классическое время среди зрителей, собиравшихся в Олимпии и других общегреческих религиозных центрах, были не только представители знати, но и простые крестьяне, ремесленники, торговцы, чужеземцы, которые воспринимали там разнообразную информацию и, вернувшись к себе на родину, пользовались огромной популярностью, поскольку от них ожидали более подробных рассказов.

Работу секции «История древнего Рима» открыл доклад *В.В. Дементьевой* (Ярославль) «Категория “государство” и Римская республика: к вопросу о понятийной асинхронности», в котором была высказана критика распространенного в современной (особенно испанской и итальянской) романистике мнения о том, что понятие «государство» нельзя применять к римской *res publica* как анахронистическое. Но если же исходить из латинского термина *status* (ср. в особенности словосочетание *status civitatis*, которое встречается у Цицерона и может считаться протоформой понятия «государство»), к которому восходят слова, обозначающие государство в новых европейских языках, то «государство» в самом широком (и терминологически исходном) значении понятия есть политическое оформление общественных связей и их регулирование посредством публичной власти на основе норм писаного и обычного права, и при таком содержательном наполнении это понятие вполне применимо к Римской республике. К одному из конкретных аспектов данной проблематики обратилась и *А.М. Брагова* (Нижний Новгород) в докладе «Цицероновское понимание термина *res publica* в историографии», рассмотрев высказанные современными исследователями толкования данного Цицероном определения республики как *res populi* в его соотношении с такими категориями, как *civitas*, «государство» и «республика» в их современном понимании. *С.С. Демина* (Владимир) в сообщении «Гражданские войны и суицид в Риме в I в. до н.э.» остановилась на вопросе о роли самоубийства в политическом поведении римских граждан в контексте происходивших в конце Республики изменений ценностно-ориентационной системы и подчеркнула, что в условиях маргинальной ситуации суицид как соответствующий этой ситуации поведенческий акт, совершаемый представителями политической элиты, стал рассматриваться как нормальный поступок, а его наиболее яркие примеры имели непосредственный воспитательный эффект; римскому обществу потребовалось не одно десятилетие, чтобы маргинальная ситуация с присущими ей поведенческими атрибутами перестала восприниматься как норма, а суицид как важный способ отстаивания жизненных принципов и политических убеждений. *С.А. Доманина* (Нижний Новгород) выступила с докладом «Эволюция кельтского торквеса: от воинского украшения к сакральному символу» и пришла к выводу, что торквес, первоначально являвшийся обычным украшением и ставший со временем отличительным знаком выдающихся воинов или предводителей, со II в. до н.э. перестает быть знаком общественного положения и переходит в область религиозно-мифологических представлений, превращаясь в символ распространяющегося культа обожествляемых прародителей племен и воинов-героев, который складывается в период затухания кельтской экспансии и соответствующего изменения ментальности. Венцом смысловой эволюции торквеса можно считать его появление в качестве сакрального атрибута на памятниках романо-кельтского искусства и у самих римских богов. В докладе *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) «*Consilium principis* в концепции идеальной монархии Диона Кассия» была предложена интерпретация того пункта политической программы римского историка из знаменитой речи Мецената (ЛЦ. 14–40), который касается роли императорского совета и по-разному интерпретируется исследователями. По мнению докладчика, тот факт, что в соответствующих пассажах этой речи историк обходит стороной тему дружбы как основы для вхождения в круг ближайших советников правителя, но говорит лишь о принадлежности помощников идеального правителя к политической элите и о деловой основе их взаимоотношений, объясняется эволюцией императорского совета на протяжении эпохи Антонинов от неофициального органа, основанного главным образом на амкальных связях, к бюрократическому институту. Для Диона важно было акцентировать принадлежность советников принцепса к сенаторской элите, противопоставляя такой совет реально существовавшему в начале III в. *consilium principis*, в составе которого увеличилось число всадников, а главную роль играли сирийские родственники Северов и юристы восточного происхождения. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) в докладе «“Римская доблесть” и *virtutes* полководца» обратил внимание на содержание и значение категории «доблести» как качества, характеризующего образ идеального римского военачальника, отметив, что этот идеал, фокусирующийся в понятии *virtus*, получил весьма дифференцированную разработку и был неразрывно связан с характеристиками, используемыми в морально-политической сфере. *А.Е. Негин* (Нижний Новгород) в сообщении «К вопросу о защитном вооружении римских катафрактариев и клибанариев» предпринял попытку реконструкции панοπлии позднеримской тяжелой кавалерии и указал на трудности идентификации немногочисленных археологических находок, без привлечения которых такая реконструкция, однако, остается проблематичной. В докладе *А.Л. Терентьева* (Ни-

жний Новгород) «К вопросу о социальном статусе и правовых привилегиях римских военнотружеников во II в. н.э.» положение солдат императорской армии было рассмотрено в связи с эволюцией военной политики и организационных структур армии в правление династии Антонинов.

На секции «Северное Причерноморье в античную эпоху» были представлены шесть докладов. *Е.А. Молев* (Нижегород) выступил с докладом «Поль Дюбрюкс как исследователь Китея», в котором рассказал об истории изучения этого боспорского города в 1820–1821 гг. и сосредоточил внимание на сопоставлении плана городища Китея, выполненного П.А. Дюбрюксом и опубликованного затем И.П. Бларамбергом, с копией, снятой П.И. Кёпеном с плана Бларамберга, и с данными новейших топосъемок городища. Роль П. Дюбрюкса в изучении боспорских древностей получила освещение также в докладе «Поль Дюбрюкс и фортификация Нимфея», представленном *О.Ю. Соколовой* (Санкт-Петербург). В связи с подготовкой переиздания труда этого исследователя докладчик отметила его вклад в изучение фортификационных сооружений Нимфея, остановившись на современном состоянии их изучения в свете раскопок последних лет. *Е.А. Захарова* (Нижегород) в докладе «К вопросу о культе Геракла Спасителя в Северном Причерноморье» обосновала вывод о связи соотечественной стороны образа Геракла с его ипостасью, относящейся к плодородию и подземному миру. Представление о Геракле Спасителе, распространившееся с конца IV в. до н.э., не вытеснило почитания героя как мужского коррелята богинь плодородия с отчетливо выраженными хтоническими чертами, и обе его ипостаси сосуществовали на протяжении нескольких веков, обеспечивая популярность этого греческого бога в северопонтийских городах. *Н.В. Кузина* (Нижегород) в сообщении «Общественно-политический аспект культа Диониса в античных государствах Северного Причерноморья» обратила внимание на факты, свидетельствующие о государственном характере этого культа, подчеркнув его обусловленность хозяйственными занятиями жителей. *Н.В. Молева* (Нижегород) в докладе «Боспорские Музы» на основе данных эпиграфики, ономастики и иконографии женских образов, представленных на памятниках Боспора, рассмотрела вопрос о роли в жизни боспорских женщин комплекса представлений и традиций, относящихся к Музам. В докладе *И.Н. Митрохиной* (Тула) «К вопросу о “гуннском протекторате” на Боспоре» было подчеркнуто, что власть гуннов над Боспором в IV – первой половине V в. н.э. носила лишь номинальный характер и Боспорское царство, платившее дань гуннам, сохранило свою прежнюю государственность. Такое положение дел, когда кочевники, установив свою военно-политическую гегемонию, паразитировали над попадавшими в сферу их влияния очагами цивилизации, не меняя их внутреннего политического устройства, было типичным для отношения кочевых племен с оседлым населением.

* * *

На состоявшейся 23–24 февраля 2005 г. в НГЛУ Всероссийской научной конференции «Социальное творчество и культурные коммуникации в прошлом и настоящем. Творчество Н.А. Добролюбова и его современников» работа специалистов по античной истории проходила в рамках секции «Реконструкция поисковых форм и социокультурное творчество в античном мире». На пленарном заседании античной тематики был посвящен доклад *Е.А. Молева* (Нижегород) «О характере эллино-скифских конфликтов в конце VI–V в. до н.э.». Проанализировав гипотезу об агрессивности скифов по отношению к эллинским городам на основании свидетельств античных письменных источников и археологии, докладчик пришел к выводу, что имеющиеся у нас факты не позволяют утверждать, что именно скифский натиск стал причиной объединения городов Боспора в единое территориальное государство в 480 г. до н.э.

Заседание античной секции началось с выступления *В.М. Строгоцкого* (Нижегород) «Коммуникативные отношения и политическое лидерство в классическом полисе», в котором были проанализированы свидетельства Ксенофонта и Аристотеля о сущности лидерства в полисе, рассмотрены темы, обсуждаемые политическими ораторами в народном собрании, приведены данные Платона и Демосфена о позиции политического оратора и его отношении к своим источникам информации. Исследование речей Демосфена свидетельствует о том, что политический оратор должен был располагать широким спектром информации, однако пользоваться ею ему приходилось весьма разумно и осторожно. *Н.Ю. Старкова* (Ижевск) в докладе «История классической Греции на страницах ЖМНП (рубеж XIX–XX вв.)» проанализировала материалы и публикации по истории классической Греции, печатавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». *Е.А. Захарова* (Нижегород) в сообщении «Героические культы в древней Греции: от мифов к религиозной практике» констатировала, что представления о героях, действовавших якобы незадолго до исторических времен, являлись неизменной частью жизни древних эллинов. Популярность мифов о героях подкреплялась религиозным культом, который, имея сво-

им источником культ предков и аристократический погребальный культ микенского времени, в процессе развития прошел несколько этапов, видоизменяясь от поклонения мифическим героям до героизации реально живших людей. Выступление *А.В. Хазиной* (Нижегород) «Поли-матия» Посидония Апамейского и эллинистический идеал «пайдеи» касалось проблемы формирования представлений об общей культуре и цикле «семи свободных искусств» в эллинистической философской мысли. Анализ многочисленных отрывков из трудов Посидония показывает, что его приверженность «полиматии» едва ли можно сводить к возрождению полиматии Демокрита либо старого перипатетического идеала энциклопедического многознания, как это делает *И. Адо*. Стоический принцип мировой непрерывности, основанный на представлениях о пневматологии и симпатии, позволил Посидонию связать все науки в единую универсальную систему, в которой обнаруживается и синтез дисциплин, впоследствии составивших «семь свободных искусств». *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) выступил с докладом «Из истории археологических исследований в Вергине», отметив, что к настоящему времени все больше исследователей поддерживают более позднюю датировку Гробницы II под Большим курганом, чем та, которая была предложена *М. Андроникосом*, по мнению которого данное погребение принадлежало Филиппу II. Датировка ряда предметов, найденных в Гробнице II, указывает на то, что она относится ко времени после 325 г. до н.э. Соответственно велика вероятность того, что в главном помещении Гробницы II, если эта усыпальница действительно царская, был похоронен не Филипп II, а Филипп III Арридей (323–317 гг. до н.э.). В сообщении *А.В. Унжакова* (Нижегород) «Роль строительства храма Геры в Арголиде» говорилось, что Аргос, построив храм Геры, удовлетворил не только возросшие религиозные потребности, но также продемонстрировал свой претензии на ведущую роль в Арголиде, сделав попытку придать этим амбициям в какой-то мере «узаконенный» характер как поселению, которому принадлежит главная святыня. *Т.Е. Гвоздева* (Москва) в докладе «Панафинейский праздник в произведениях греческих драматургов» отметила, что тема Панафинейского праздника получила отражение в произведениях греческих драматургов классического периода. Их анализ показывает, что наиболее часто встречаются упоминания пеллоса, подносимого Афины, различных элементов торжественной панафинейской процессии, реже затрагивается тема жертвоприношения и пира, ночного шествия (*паннохис*). Состязания на Панафинейских играх упоминаются только у Аристофана, сделавшего их объектом пародии. *П.В. Ковалев* (Москва), выступивший с докладом «К проблеме выхода позднеархаических культовых объединений за рамки полиса: фиаз Сапфо в Митиле и пифагорейский союз в Кротоне», пришел к выводу, что в отличие от центров амфикионий и мест проведения панэллинских агоней в культовой практике обоих рассматриваемых объединений участие тех, кто не был уроженцем Лесбоса и Кротона, носило длительный, а не разовый характер. В докладе *Л.В. Софроновой* (Нижегород) «Неоплатонизм и религиозно-философская доктрина “христианского гуманизма”» были проанализированы неоплатонические мотивы в христианской философии Дионисия Ареопагита и выявлены черты сходства и различия его учения о Богопознании и неоплатонической концепции Единого у Плотина и Прокла. С точки зрения церковной ортодоксии решение проблемы Богопознания у Дионисия выглядит нетрадиционным, так как сочетает катафатическое и апофатическое богословие. Этот сплав неоплатонических и богословских идей сделал возможным использование «*Soprus Ageraigisist*» в качестве одного из источников гуманистической философии. Доклад *Н.В. Молевой* (Нижегород) «Демографическая ситуация на Боспоре во второй половине I в. до н.э. – первой половине I н.э.» был сделан на основе исследования надгробных памятников этого региона. Как показывает материал источников, династический и политический кризис, имевший место в изучаемый период, вероятно, был осложнен жестокой эпидемией, унесшей жизни многочисленного гражданского населения. В сообщении *П.С. Боровкова* (Екатеринбург) «Публично-правовой механизм взаимодействия римского жречества с республиканскими органами власти в V–I вв. до н.э.» на примере коллегии понтификов рассматривалась проблема оформления правового механизма, вовлекшего жречество в публично-правовые процессы. Было высказано мнение, что данная правовая процедура заполнила лауну в римском законодательстве и оформилась в определенную конституционную традицию. *К.В. Марков* (Нижегород) в докладе «Финансовая политика римских императоров в оценке Диона Кассия» предпринял попытку реконструировать представления Диона Кассия о путях решения финансовых проблем эпохи Северов на основе сравнительного анализа тех оценок, которые историк от первого лица дает фискальной политике римских императоров в различных книгах своей «Римской истории», и рассуждений, представленных в так называемой «речи Мецената». *А.В. Махлаюк* (Нижегород) в докладе «Реалии профессиональной армии и творчество римских юристов» остановился на характеристике такого института, как воинское завещание, в котором с наибольшей наглядностью проявились характерные тенденции развития *ius militare* – военного права как особого подразделения

частного права, возникшего в результате правотворчества римских императоров и комментаторской работы юристов. Как отметил докладчик, правовые нормы, установленные в отношении *castamentum militis*, во многом шли вразрез с фундаментальными принципами классического наследственного права, что было обусловлено в первую очередь необходимостью обеспечить сплоченность воинских подразделений и привлекательность военной службы.

В докладе *Е.В. Соболевой* (Нижегород) «Н.А. Добролюбов – переводчик Плавта» была проанализирована юношеская работа будущего критика, рукопись которой хранится в Пушкинском доме. Докладчик констатировала, что, переводя комедию Плавта «*Aulularia*», Н.А. Добролюбов выбирает лексику просторечную, даже грубую, что соответствует характеру героев. Он находит удачные эквиваленты народным пословицам и прибауткам, бережно сохраняет игру слов оригинала. Перевод сделан вполне профессионально, что свидетельствует о прекрасном знании языка подлинника. В выступлении *С.А. Доманцой* (Нижегород) «К вопросу о кельтских гезатах» на основе анализа данных Полибия и Страбона был сделан вывод, что гезатов следует рассматривать не как кельтское племя, а как устойчивую социальную группу, образованную профессиональными воинами, представлявшими разные племена.

* * *

25–26 февраля 2005 г. прошли XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР профессора С.И. Архангельского в НГПУ. В рамках конференции работали две секции по античной истории. На первой из них, посвященной истории древней Греции и Северного Причерноморья, были заслушаны 13 докладов. *П.В. Ковалев* (Москва) в докладе «Гендерные аспекты в раннем пифагореизме» аргументировал вывод о том, что отношение кротонских пифагорейцев к «гинекократии» было избирательным, обусловленным, с одной стороны, союзом со Спартой, а с другой – враждой с Локрами Эпизефирскими, где процветала храмовая проституция. Однако отказ воинам Дориза в «брачном гостеприимстве» ставит вопрос о введении в Кротоне полной эпитагии. *А.В. Горохова* (Москва) в сообщении «Великие Дионисии и общественно-политическая жизнь Афин в V в. до н.э.» попыталась проследить, каким образом трагедии и комедии, как основные составляющие празднества Великих Дионисий, отображали спектр наиболее важных и актуальных проблем общественно-политической жизни классических Афин и каковы были их цель и назначение. В докладе *Т.Е. Гвоздевой* (Москва) «Аглавра и Пандроса: две сестры, две судьбы» было отмечено, что мифология Аглавры и Пандросы, двух дочерей афинского автохтона Кекропа, тесно связана с мифом об Эрихтонии, лежащим в основе панафинейского праздника. Это нашло свое воплощение в знаменитой гражданской клятве эфэбов, которую те приносили на алтаре Аглавры во время ночной панафинейской процессии. Кроме того, старшая Кекропида стала воплощением добровольной жертвы во имя родины. Подобная патриотическая тематика встречается в аналогичных мифах об Гиакинтидах, Эрехтеидах и Леотидах в V в. до н.э. – III в. н.э. С докладом «Лисандр и процесс трансформации Пелопоннесского союза» выступила *Н.Ю. Старкова* (Ижевск), которая обратила внимание на вклад Лисандра в организацию системы спартанского господства в Элладе после Пелопоннесской войны, отметив, в частности, что для новой модели власти лакедемоняни были характерны такие компоненты, как институт гармостов, обязанность союзников «следовать за Спартой», установление декархий, наказание собственных союзников, форос; но в основе новой спартанской «империи» была традиционная для Пелопоннесского союза форма симмахии.

Доклад «Афины и Херсонес Фракийский в 60–40-е гг. IV в. до н.э.» представил *В.В. Антонов* (Нижегород). Автор отметил стратегическое значение контроля над Херсонесом в один из самых сложных моментов в истории Афин и пришел к выводу, что выведение туда колоний в форме клерухий явилось одной из последних попыток афинян возродить морскую державу, при этом формально не нарушая положений декрета Аристотеля. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в сообщении «Инцидент с Никеей (Liv. XXXV. 26. 5–6)» представил аргументы в пользу точки зрения, что упомянутая Ливием Никея, корабль которой был захвачен ахейцами, являлась не супругой сводного брата Антигона Гонага Кратера (как об этом говорит римский историк), а женой или невестой его сына Александра. Захват корабля мог произойти в 272 г. до н.э. или во время Хремонидовой войны (ок. 267–262 гг. до н.э.). В докладе *В.М. Строгоцкого* (Нижегород) «Эстетическая концепция Лессинга и ее воздействие на историческую науку Нового времени» рассматривались сочинения Лессинга «Лаокоон, или о границах живописи и поэзии» и «О воспитании рода человеческого». Были проанализированы выводы о соотношении поэзии и живописи, изложенные им в первом сочинении, и отмечено значение 16-й главы «Лаокоона», в которой Лессинг формулирует основы эволюционной теории, оказавшей влияние на историческую мысль

Нового времени. Была рассмотрена также идея Лессинга, согласно которой воспитание рода человеческого – это история эволюционного развития нравственного сознания человечества. В заключение докладчик отметил, что как эстетические идеи Лессинга, так и его суждения об эволюционном развитии человечества не находят признания в современных философско-эстетических концепциях и теориях нелинейного многовекторного развития природы и общества. Сообщение *Н.Ю. Сивкиной* (Нижегород) «Этолийская тактика в начале Союзнической войны» было посвящено первым кампаниям Союзнической войны 220–217 гг. до н.э. между Эллинской лигой и Этолийской Федерацией. Автор высказала несогласие с утвердившимися в историографии представлениями о непродуманных, авантюрных действиях этолий. Напротив, этолийские атаки можно считать спланированными операциями, направленными на расшатывание основ Эллинской лиги. В докладе *Е.А. Захаровой* (Нижегород) «К вопросу о местах почитания героев в древней Греции» были выделены три группы мест поклонения героям: 1) строения или площадки, созданные людьми для отправления обрядов (святых мест, храмы, терема с жертвенниками и алтарями); 2) нерукотворные места, связанные с деяниями героев (пещеры, роды, источники); 3) места погребения героев (могилы, кенотафы). Почитание героев было либо общегреческим (Геракл, Тесей и др.), либо местным (в том числе и «несправедливо убитых» людей, ставших после смерти героями). Доклад «Мифы о рождении героев и их роль в идеологической жизни древних греков» представила *А.А. Рыбакова* (Нижегород). Анализ ряда мотивов показал, что с образом юного героя связывались представления о богоизбранности, покровительстве богов, идея обновления; юный герой изображался как основатель чего-то нового (рода, племени, города и т.д.) и наделялся демиургической функцией. Эти представления служили для идеологического обоснования особого положения членов того или иного рода, а также могли переноситься на реальных исторических деятелей, примером чему является история коринфского тирана Кипсела. *А.Р. Панов* (Арзамас) в сообщении «Кастор Фанагорийский» отметил, что, судя по указаниям источников, Кастор мог быть представителем царской администрации в Фанагории при Махаре. После успешного завершения восстания против Митридата Фанагория освободилась от власти боспорских владык, и первенствующее положение в городе сохранил за собой Кастор. В сообщении *А.В. Хазинной* (Нижегород) «Вопрос Посидония: миф и историографическая реальность» была прослежена эволюция историографических оценок историко-философского наследия представителя средней Стои, которые варьируются от непризнания и утверждений о комплиментности его творчества в 70-е годы XIX в. до создания «мифа» о нем в 50-е годы XX в. Последняя иностранная монография Ю. Малина, посвященная Посидонию-историку, по-прежнему ограничивается собиранием и комментированием фрагментов его «Историй» и не выходит за рамки позитивистского метода. *Е.А. Молев* (Нижегород) в докладе «Дидрахмы царя Спартока VI Боспорского» рассмотрел вопрос о вероятности правления Спартока VI, который, согласно предположениям Д.Б. Шелова и К.В. Голенко, выпустил серебряные дидрахмы, подражающие типам лисимаховских статов Византия. Анализ типологии монет, монограмм и палеографии надписей на них, а также закономерности развития монетного дела Боспора позволяют, по мнению докладчика, отнести эти дидрахмы к Спартоку V, правившему в начале II в. до н.э. Выступление *Н.В. Молевой* (Нижегород) «Новые данные о счислении времени на Боспоре» было посвящено интерпретации интересной археологической находки, сделанной при раскопках некрополя боспорского города Илурата в 2003 г. Анализ и семантика гравированных изображений, которыми покрыты четыре грани костяного изделия, позволяют предположить, что мы имеем дело с календарной схемой, отражающей традиции счисления времени на Боспоре в первых веках нашей эры.

Римская проблематика рассматривалась в восьми докладах. *П.С. Боровков* (Екатеринбург) выступил с сообщением «Сакральные нарушения должностных лиц в Римской республике в III – начале I в. до н.э.», в котором отметил, что пренебрежительное отношение к религиозным установлениям со стороны официальных лиц оборачивалось серьезными социально-психологическими потрясениями в римском обществе. Сакральные нарушения со стороны высших римских магистратов вызывают особый интерес, так как они затрагивали многие аспекты политико-правового функционирования республиканской системы. *А.М. Брагова* (Нижегород) в докладе «Тема войны в сочинениях Цицерона» высказала мнение, что Цицерон призывал вести завоевательные войны справедливо, основываясь на законе войны, проявляя милосердие и избегая жестокости. Гражданские же войны он считал пагубными для сохранения согласия и стабильности внутри государства. *А.Е. Негин* (Нижегород) в сообщении «Клады римского парадного вооружения в Реции», оперируя сводом находок и выделив специфические особенности кладов III в. н.э., попытался дать ответ на вопрос – кем и при каких обстоятельствах они были оставлены. *К.В. Марков* (Нижегород) в докладе «Отношение императорской власти к иноземным культам, магам,

астрологам, философам в оценке римского историка Диона Кассия» дал анализ соответствующих комментариев Диона, высказанных в «речи Мецената» (ЛЦ. 14–41) и в других главах его «Римской истории».

А.А. Терентьев (Нижегород) выступил с докладом «К вопросу об организационно-структурных изменениях в римской армии в первой половине II в. н.э.», в котором дал анализ мероприятий Траяна и Адриана, направленных на обеспечение эффективности военной машины в связи с изменениями военно-политических целей и стратегической ситуации. В докладе *С.А. Доманиной* (Нижегород) «Идеология войны у древних кельтов» были рассмотрены идеологические моменты военной деятельности кельтов, проблема *finis* и самопожертвования в кельтской духовной жизни. *А.В. Махлаюк* (Нижегород) в докладе «Воинская присяга в эпоху принципата: правовые, сакральные и военно-этические аспекты» обосновал тезис о том, что с установлением принципата значение *sacramentum militiae* не только не уменьшилось, но, по всей видимости, еще более возросло, что было связано как с реставраторскими установками политики Октавиана Августа, стремившегося возродить значение древних традиций (в том числе и сакрально-правовых), адаптировав их к новой ситуации, так и с тем обстоятельством, что в созданной им военно-государственной системе на первый план выдвигаются персональные отношения императора и войска, и приносимая воинами присяга должна была так или иначе отразить этот момент. В докладе *И.Ю. Вацевой* (Нижегород) «Кесария Палестинская в III–VII вв. н.э.» была предпринята попытка, сопоставив разрозненные и чрезвычайно скудные свидетельства источников, реконструировать деятельность кесарийской школы, из которой вышли многие известные церковные и политические деятели позднеримского и ранневизантийского времени, и выяснить причины столь странного «молчания» источников о ней.

При подведении итогов работы участники всех трех конференций единодушно констатировали достаточно высокий научный уровень и разнообразие проблематики представленных докладов и отметили, что научно-образовательные центры Нижнего Новгорода играют заметную роль в развитии современного российского антиковедения, способствуя творческому диалогу и объединению усилий российских исследователей.

А.В. Махлаюк, А.В. Хазина